

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ

Центр междисциплинарных
исследований человеческого
потенциала

Поведенческие стратегии и отношение к России центральноазиатских трудовых мигрантов (на примере Таджикистана и Кыргызстана)

Научный дайджест № 9 (26) • 2023

Научный центр мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» создан в ноябре 2020 г. в рамках Национального проекта «Наука» как консорциум четырех организаций – лидеров в данной области научного знания: НИУ ВШЭ, РАНХиГС, МГИМО МИД России и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Создание Центра стало самой масштабной в России инициативой в области социальных и гуманитарных наук за последние десятилетия. Среди его основных задач – не только проведение исследований мирового уровня в области развития человеческого потенциала, но и налаживание кооперации с зарубежными организациями-лидерами, запуск образовательных программ, создание передовой научной инфраструктуры, обеспечение трансфера полученных результатов в практику государственного управления и образование.

Центр реализует 80 научных проектов. Программа исследований охватывает ключевые аспекты человеческого потенциала, актуальные сегодня в глобальной повестке:

социальное и гуманитарное измерение человеческого потенциала

нейрокогнитивные механизмы социального поведения

демографические и социальные факторы активного долголетия

природно-климатические детерминанты устойчивого развития

занятость, социальная активность и формирование ключевых навыков и компетенций

человеческий потенциал и безопасность в глобальном мире

человек в эпоху технологических трансформаций

Научный дайджест подготовлен в рамках проекта «Взаимозависимость и взаимовлияние международных связей и человеческого капитала»

Руководитель проекта «Научный дайджест НЦМУ ЦМИЧП»: О.В. Ворон
Автор: Малахов В.С.
Редактор: А. А. Андрианова

Мы очень мало знаем о выходцах из Центральной Азии, живущих и работающих в России. Публикации о них в СМИ, как правило, не выходят за рамки таких тем, как нарушения миграционного законодательства, преступность и межэтнические конфликты. Мы смутно представляем себе, как эти люди видят себя и страну, в которой находятся. Каковы их планы на будущее? Чего следует ожидать в обозримой перспективе с точки зрения их интеграции в российское общество? Для того, чтобы объемно и убедительно ответить на подобные вопросы, нужна скрупулезная коллективная работа «полевиков». Настоящий проект представлял собой попытку подступиться к ответам на эти вопросы.

С этой целью мы:

(а) провели более 40 глубинных интервью с мигрантами из Киргизии и Таджикистана, вовлеченными в трудовую миграцию в Россию;

(б) проанализировали «мигрантские» медиа и социальные сети (паблики, создаваемые выходцами из двух указанных стран).

Благодаря нашим коллегам из Бишкека (Г. Ибраевой и Н. Багдасаровой) и Душанбе (М. Олимову и С. Олимовой) мы смогли работать с материалом не только на русском, но также на киргизском и таджикском языках.

Ниже будут кратко представлены итоги этой работы.

Планы на будущее

Вопрос о поведенческих стратегиях центральноазиатских мигрантов – ориентированы ли они на расселение в России, на возвращение в страну исхода, на переезд в другую страну – нуждается в уточнениях. Первое такое уточнение уже сделано социальными антропологами, изучавшими центральноазиатскую миграцию в течение последних полутора десятилетий. Они показали огромный разрыв между планами мигрантов и реальностью, постоянно эти планы корректирующую (Бредникова 2017; Абашин 2016; Жить в двух мирах 2021). Человек может декларировать стремление вернуться на родину, но при этом практически всю жизнь провести в России (не расставаясь, тем не менее, с «мифом о возвращении»). И, напротив, индивиды и семьи, изначально ориентировавшиеся на то, чтобы остаться в России, по разным причинам возвращаются в страну происхождения. Второе уточнение связано с турбулентностью, возникшей после февраля 2022 г.

Наше исследование показало, что никогда еще не было столь большого количества мигрантов, не имеющих сколько-нибудь определенных планов относительно своего ближайшего (и тем более отдаленного) будущего, как в последние полтора-два года. Так, лишь пятеро из двадцати опрошенных таджикских мигрантов сказали, что связывают свою жизнь с Россией, и двое – только с Таджикистаном. Остальные 13 человек допускают самые разные сценарии собственного будущего. Горизонт их планирования не превышает одного-двух лет. В случае выходцев из Кыргызской республики ситуация еще более подвижна. Поскольку законодательство этой страны не предусматривает двойного гражданства, многие киргизские мигранты в прошедшее десятилетие сменили гражданство, получив российский паспорт. Это обстоятельство после сентября 2022 года для мигрантов-мужчин стало означать перспективу быть призванными на военную службу (перспективу, воспринимаемую одними как неизбежность, другими – как нежелательный риск). Один из опрошенных рассказал о своем решении продать бизнес, связанный с грузоперевозками, и вернуться на родину:

«Кыргызов в России на 70% уменьшилось. Я раньше в автопарке работал, они (сослуживцы-соотечественники) рассказывают, что началось давление, у них же у всех есть гражданство, говорят по графику началось давление на них, они не знают как сорваться, уйти оттуда».

Мужчина, киргиз, 45 лет, бизнесмен.

Аналогичные реакции продемонстрировали многие другие соотечественники респондента.

«Я ни там, ни здесь. Сейчас туманно будущее, туманно, одиночество достало... Все у меня внутри болит».

Мужчина, киргиз, 38 лет, водитель автобуса, затем таксист.

«Там было их гражданство, дом и бизнес – в общем хорошая жизнь была, и вдруг из-за мобилизации все пришлось бросить».

Мужчина, киргиз, 44 года, с 2003 года работал садовником, разнорабочим, затем в цеху по производству пластиковых окон, в последние годы – строителем.

Вопрос об интегрированности

Исследование продемонстрировало, что вопреки расхожим представлениям о непреодолимой культурной дистанции (блокирующей интеграцию среднеазиатских мигрантов в российское общество), эта дистанция на практике достаточно легко преодолевается. Выходцы из Центральной Азии быстро адаптируются к новому окружению, принимая исходящие от принимающей стороны «правила игры».

В процессе выработки поведенческих стратегий решающую роль играют инструментально-прагматические мотивы. Императивы сохранения культурно-национальной идентичности не являются основными детерминантами поведения мигрантов.

Три возможные опции (поживем в России, решим насущные проблемы, вернемся; хотели бы вернуться, но жизнь диктует свое; планировали оставаться, но в сложившейся ситуации это стало невозможным) возникают и исчезают (изменяются вместе с обстоятельствами).

Приспосабливаясь к условиям жизни в России, мигранты вырабатывают смешанную идентичность. И если в случае старшего поколения утрата или ослабление связей со страной происхождения переживается как проблема, то в случае молодых когорт («второго» и «третьего» поколения, родившегося и выросшего в России) этот процесс проходит почти автоматически. Поскольку социализация детей мигрантов происходит в русскоязычной школе и – что не менее важно – в русскоязычном Интернете, они не воспроизводят культурную идентичность родителей.

«Если ребенок будет жить в России, то пусть лучше будет русским. Невестка крестила его. Я хотел бы, чтобы он говорил по-таджикски, но, наверное, не получится».

Мужчина, таджик, 58 лет, прораб-дорожник.

«Дети говорят на русском, хотя мы стараемся дома только по-таджикски говорить. Но они с нами уже и не разговаривают. Сидят в гаджетах. У них уже все по-русски. Они останутся в России».

Женщина, таджичка, 53 года, врач.

Реальность оказывается богаче и сложнее, чем изначальные представления отправлявшихся в миграцию людей – здесь и смешанные браки, и новая культурная идентификация детей, и обстоятельства материального свойства.

«Жена умерла несколько лет назад, есть дочь. Замужем, детей нет. Не хотят. Она – крутая бизнес-вумен. Муж – дагестанец, тоже в бизнесе. По-видимому, закончу жизнь в Москве».

Мужчина, таджик, 65 лет, доктор исторических наук.

« Я остаюсь в России, куда я поеду?! У меня в Волгограде дом, хозяйство. Дочь с мужем свой дом строят, сын в Москве. В Душанбе мало что осталось, только мама, сестра, брат и квартира, город снесли, друзья разъехались ».

Мужчина, таджик, 58 лет, прораб-дорожник.

Нам нередко приходилось встречаться и с аргументами культурного свойства. Однако стоит заметить, что зачастую такие аргументы появляются задним числом – как постфактум рационализация решений, принятых под давлением структурных обстоятельств (отказ в статусе, запрет на въезд, депортация). Так, респондент, вынужденный выехать из России на родину после многолетнего пребывания в эмиграции, говорит об изменении своих планов так:

« Думаю привезти детей в Кыргызстан, в России зарабатываешь больше денег, но там другое становится воспитание детей. Другое, это они становятся как русские. Мы все-таки народ с другим менталитетом, мы мусульмане. В этом плане там дети становятся слабее, русское воспитание, начинаются проблемы с воспитанием ».

Мужчина, киргиз, 35 лет, (последняя работа – развозил хлеб по магазинам).

В ходе интервью мы сделали одно неожиданное наблюдение. Оказывается, существуют мотивации культурного свойства, которые располагают мигрантов (в частности, из Таджикистана) к перемещению на ПМЖ в Россию, а не к возврату на родину: это религиозная свобода, ограниченная в стране происхождения.

« В России мы не испытываем никаких трудностей в отношении к Исламу. В Таджикистане я тоже не увидел никаких для себя проблем в этом плане. Там, где я был, и меня знают, там меня уважают, слава Богу. Мы придерживаемся направления Имама Аъзама, поэтому нет никаких трудностей. Я в Таджикистане бываю редко и остаюсь на короткое время, не больше 10 дней, и все эти дни приглашают в гости и т.п. Я хочу, чтобы Ислам везде был свободным. Со всеми правилами, требованиями, Ислам должен быть свободен. Каждый имеет право поклоняться Исламу и воспитывать своих детей по Исламу ».

Мужчина, таджик, 63 года, духовный деятель.

Тем не менее, можно констатировать, что, несмотря на существенный интеграционный потенциал, фактическая интегрированность центральноазиатских мигрантов в принимающее общество крайне низка. Для большинства выходцев из этого региона характерна высокая степень изолированности от окружения. Их контакты с местным населением, как правило, ограничены работой.

« У меня нет там друзей... (смеется)... я ни с кем не общаюсь, только с клиентами. Я работаю без выходных ».

Женщина, киргизка, 33 года, мастер маникюра.

«*В Москве работал с русскими, когда работал в Подмосковье, хозяйка была русская, мы с ней хорошо общались. Но серьезно говоря, я там ни с кем близко не общался*».

Мужчина, киргиз, 44 г., водитель такси.

Покидая рабочее место, мигранты оказываются в коммуникационном коконе, имеющем этнонациональную природу. Об этом однозначно свидетельствует и анализ мигрантских чатов в соцсетях. «Свои», которые могут стать членами той или иной группы – это (а) землячество; (б) соплеменники; (в) соотечественники (сограждане)¹. Общение в таких группах идет, как правило, на родном языке, либо, если используется русский, как-то имеет место в случае с киргизскими мигрантами, с большим количеством вкраплений слов из родного языка.

¹ Любопытно, что фактор общего гражданства перевешивает фактор этнической общности. Так, в киргизских группах в соцсетях некоторые участники не являются этническими киргизами (будучи, например, узбеками или таджиками по происхождению). В случае, если такие участники переходят в ходе обсуждения с киргизского на русский, им могут сделать замечание.

Отношение к России и русским

Пожалуй, главное, что бросается в глаза, это огромный запас доброжелательства, сохраняющийся вопреки нередким проявлениям ксенофобии со стороны окружения.

« С русскими приятно иметь дело - они честные люди. Они знают свое дело и русские за спиной не обсуждают ».

Женщина, киргизка, 33 года, гражданка РФ, проживает в Москве.

« Я знаю, люди неплохие живут, хорошие там люди, честные ».

Мужчина, 58 лет, киргиз, работал в Москве.

« Мне что в русских нравится, они на тебя вообще не обращают внимания. Они скромные, простые люди ».

Женщина, 21 год, киргизка (приехала в Москву сразу по окончании школы).

А вот несколько комментариев на таджикских форумах в связи эпизодом, попавшим на видео, когда российский полицейский возле мечети в Екатеринбурге помогает опоздавшему к намазу мигранту совершить омовение:

« Везде есть и хорошие, и плохие, уважение к этому человеку.

Ман ҳайрон то ҳозира бадиашонро дидам милисаҳоро боз чи шуд нагзиашонро монданд. Аллоҳ ҳамаашба дар дилашон тавфик диҳа. - (Я удивлен, я видел их плохими до сих пор. Что случилось с милиционерами?! Они стали хорошими. Пусть Аллах благословит их всех в их сердцах.)

Спасибо за уважение к Исламу и уважение к людям

Все-таки есть в мире добрые люди. МОЛОДЕЦ!

Уважение и Поклон таким людям, которые уважают Ислам.

Он получает огромный САВОБ от Аллаха. Савоб это Богоугодный Поступок, который тысячекратно возвращается Богом совершившему такой поступок.

Сохрани Аллах этого Полицейского. Амин ».

На форумах таджикских мигрантов нам встретилось немало постов такого рода:

« Хочу обращаться всем мигрантом (орфография и пунктуация сохранены – В.М.)
В общественных местах ведите себя нормально. В транспорте орут по телефону, кричать. Даже такое раздражает местных. Если подойдёшь и попросишь разговаривать по тише, говорят тебе то что? Мы должны тихо вести себя и зарабатывать деньги. Прежде всего приехать сюда, давайте научимся вести себя нормально. Даже в школах нужно вести уроки по этике и диантологии. Не судите. Это моё мнение.

Людьми нужно оставаться в любом случае и любой стране, тогда и претензий не будет. Многие пренебрегают гостеприимство и забывают, что находятся в гостях ».

В интервью с киргизских мигрантами мы нередко наталкивались на своеобразные мифы, циркулирующие в этой среде по поводу их особых отношений с принимающей страной.

«Думаю, русские насчёт киргизов они хорошего мнения. Ну так как киргизы и там себя хорошо ведут...Да по сравнению с таджиками, узбеками, армянами (киргизы) – честные, не обманывают. Вот раньше, если милиционеры забирали киргизов и таджиков вот если рядом есть таджик, то в первую очередь отпускали киргиза, а оставляли таджика. Или если там узбек, то отпускали в первую очередь киргиза. Просто смотрели на паспорт и отпускали. Если киргизстанский паспорт, то сразу отпускали. Ну, у нас, у киргизов, есть человечность и не обманывают. Они (русские) ведь тоже это знают. Киргизы не обманывают».

Мужчина, аноним, 37 лет. (отказался сообщать о себе какие-либо сведения, кроме возраста).

«Образованность наших граждан намного выше, чем узбеков и таджиков. Владение русским это самое главное, это у нас лучше, чем у других, и на более престижных работах работают».

Мужчина, 58 лет, электрик в ЖЭК.

В то же время в соцсетях можно встретить немалое количество постов и комментариев, полных обиды и разочарования. Триггером обычно выступают не столько проявления ксенофобии со стороны обывателей, сколько действия властей (облавы, применение насилия в полиции и т.д.).

«Когда-то наши деды спасали эту землю от фашистов вот вам благодарность!!!
Нигде так не гонят мигрантов, как в России. Вот где настоящие нацисты.
...и еще придет день и у вас ни то что таджики, не останется никакого народа кроме русских, и посмотрим, что дальше будете делать. Говорят червь если не найдёт еду начинает есть себя».

Особенно много подобных высказываний в таджикских соцсетях (часто на таджикском языке), но после объявления частичной мобилизации в сентябре 2022 такие высказывания не редкость и на киргизских страницах в Интернете. Что касается наших киргизских респондентов, их позиции разделились. На одном полюсе те, кто настаивает на своей лояльности России и на особых отношениях между русскими и киргизами.

«Я же в 18 году приехал, тогда у русских была другая на нас точка зрения. Говорили: понаехали тут. Вообще по-другому относились. Сейчас, я уже три года здесь, тем более война началась, сейчас нас как родственников встречают. Русские по-другому думают, раньше они азиатов почти ненавидели, сейчас любимчики мы у них, до этого говорили, что мы черные, черножопые, а сейчас мы – «лучшие друзья». Захотят – на войну нас заберут. А мы что? Заберут – поедем. Киргиз живет по законам русских, у киргизов натура такая, где бы они ни были, они соблюдают законы той страны. Киргизы – мягкий народ, нежный народ».

Мужчина, 45 лет.

На другом полюсе – те, у кого сформировалось к принимающей стране устойчиво негативное отношение.

«*Русские очень грубые, нацисты. И когда документы оформляли, и на улице – всегда говорят, чего приехали, домой отправляйтесь. Мужчины к нам пристают, нарываються. Но мы на чужбине, вот и сдерживаешь себя*».

19 лет, мужчина, был год в Москве, но не нашел постоянной работы.

Во всех случаях негативные отношения к России, высказанного в ходе интервью (3 из 24 опрошенных), возникло после того, как респонденты столкнулись с неблагоприятными институциональными обстоятельствами (отказ в статусе, вынужденное возвращение на родину из-за нежелания идти в российскую армию).

«*У меня нету российского гражданства. Я не хочу получать. Я себя считаю патриотом. Патриот своей родины. Хоть у меня и нация другая, но я люблю свою страну. Свой флаг, свою землю. Я в раю живу. Так что я люблю свою страну, и мне нафиг не нужен их гражданство. Мне нужна ихняя работа и деньги, и все. Больше ничего не надо... Я думаю, что 40-50% инфраструктуры сделали мы - черные. Мы почти всё сделали. А оставшуюся мелочную работу могут сделать и алкаши. А как раз русские они и алкаши. Они и сами могут справиться. Основную чёрную работу мы уже сделали. За эти 30-35 лет мы им уже всё сделали. Теперь мы им не нужны*».

Мужчина, 44 года, прошел длительные процедуры получения гражданства вместе со своими взрослыми сыновьями, но после сентября 2022 вся семья вернулась в Кыргызстан.

«*После начала войны стали давить на людей с российским гражданством, под этим предлогом я сейчас нахожусь в Кыргызстане. Сейчас многие делают отказ российского гражданства и берут кыргызстанский паспорт... У меня появилась ненависть к России, я ненавижу Россию даже с исторической точки зрения. Сейчас нету другого выбора- просто, потому что это работа мы туда едем. Глядя на историю, мы узнаем какие пытки русские подвергали кыргызов. Вот поэтому я их ненавижу*».

Мужчина, 38 лет, работал в Москве.

Матримониальные стратегии

Мы зафиксировали положительное отношение к бракам мужчин с россиянками и отрицательное – к бракам женщин с россиянами. Правда, у позитивного отношения к браку мужчины с россиянкой есть одно условие: невеста должна принять ислам. В противном случае одобрения соотечественников такой брак не получит¹. Если же данное условие соблюдено, жених и невеста могут рассчитывать на самую благожелательную реакцию мигрантской среды.

«*Счастье вам молодожены, пусть Аллах вас сбережет. Омин!!!*

Невесто умничка, танцует красиво прямо как Памирка)))

какой рус настоящтй помирка

Касе ба забони дариш тоҷик сухан мекунад ман уро тоҷтк хисоб мекунам (Каждого, кто говорит на дари-таджикском языке, я считаю таджиком/таджичкой)

Хамеша хушбахту сарбаланд бошед Комрон Анастасия. (Будьте всегда счастливы и высоко держите голову, Комрон и Анастасия)² >>>.

Мигранты активно поддерживают идею аутентичности нации – предполагается, что аутентичность следует оберегать, и что залогом тому служат женщины. Как правило, при этом высказываются культуралистские аргументы (сохранение национальных традиций), однако встречаются и примеры расово-биологического понимания национальной «чистоты»³.

Бросается в глаза, что воспроизводство нарратива культурной чистоты в мигрантской среде «зеркалит» воспроизводство этого нарратива представителями принимающего сообщества. И там, и там артикулируется беспокойство по поводу утраты контроля над «нашими» женщинами.

Важно, однако, заметить, что данный нарратив оспаривается. Субъектами оспаривания выступают, во-первых, отдельные молодые женщины, во-вторых, представители «второго поколения» мигрантов. Молодые люди не готовы подстраивать свою семейную жизнь под традиционные (на их взгляд, устаревшие) представления.

Впрочем, нельзя сказать, что на настоящий момент вызов традиционным матримониальным стратегиям представлен сколько-нибудь широко. Пока это скорее отдельные голоса, заглушаемые общим хором приверженцев традиции⁴.

¹ Кроме того, практически по умолчанию нормой считается переезд невесты на родину жениха – то есть россиянки в Таджикистан или Киргизию. Один из наших киргизских респондентов рассказал о своем брате, который, женившись на русской женщине, остался в России. Итог: этот человек «потерян» для рода и семьи; его дети по духу и языку – русские, они не поддерживают связи с родней отца, а сам он приезжает изредка на краткосрочную побывку к родителям и никак не участвует в делах рода.

² <https://www.youtube.com/watch?v=uGAsN600isM>

³ Вопрос изучал наш коллега Дмитрий Тимошкин, проанализировавший огромный массив дискуссий в Интернете с участием россиян и выходцев из Центральной Азии. См.: Тимошкин 2023.

⁴ См.: Там же.

Заключение

Один из главных выводов, сделанных нами в ходе реализации настоящего проекта, можно сформулировать в виде парадокса: для среднеазиатских мигрантов характерна высокая готовность к интеграции на фоне их фактической социальной изоляции. Иными словами, налицо весьма значительный интеграционный потенциал этой когорты людей, однако данный потенциал в настоящее время остается нереализованным. Есть основания полагать, что это объясняется скорее социально-структурными, чем культурными факторами. Мотивации инструментально-прагматического свойства явно перевешивают мотивации культурно-идентификационного свойства. Люди перестраивают иерархию своих идентичностей и лояльностей в зависимости от обстоятельств.

Литература

1. Абашин С.Н. (2016) И здесь, и там: транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии в Россию // Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры / С. Панарин (ред.). СПб: Нестор-история, 2016. С. 159-176.
2. Бредникова О. (2017) (Не)возвращение: могут ли мигранты стать бывшими? Этнографическое обозрение, 3: 32–47.
3. «Жить в двух мирах»: Переосмысляя транснационализм и транслокальность. / Сб.статей; под ред О.Бредниковой и С.Абашина. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
4. Тимошкин Д. (2023) Национализм, чистота и опасность: «crossborder intimacy» в российских цифровых медиа // Социологическое обозрение. Т.22. № 2. С.154-178.